

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на: *Брендле Р. Иоанн Златоуст.* Проповедник, епископ, мученик / Пер. с нем. Д. Бумажнова. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 208 с.

Книга профессора Университета г. Базеля Рудольфа Брендле (р. 1939) является русским переводом¹ монографии 1999 года швейцарского специалиста по истории древней Церкви, ставшая плодом его двадцатилетних штудий жизни и творчества свт. Иоанна Златоуста, выдающегося церковного деятеля и писателя эпохи поздней античности². Областью научных интересов Р. Брендле является богословие Нового Завета и история древней Церкви, при этом особое внимание он уделяет проблеме взаимодействия евреев, христиан и «язычников» в IV веке, а также личности свт. Иоанна³.

Данная книга Р. Брендле является общедоступным изложением, обобщением исследований целого ряда ученых биографий Златоуста, таких как работы Хрисостома П. Баура⁴, Роберта Л. Уилкена⁵ и Джона Н.Д. Келли. Монография последнего и была взята за основу швейцарским исследователем. Р. Брендле, следуя логике Келли, через обстоятельства жизни свт. Иоанна воссоздает исторический и культурный контекст: в центре внимания оказываются нравы и обычаи жителей двух античных мегаполисов: Антиохии и Константинополя.

Книга «Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик» состоит из предисловия и трех частей, каждая из которых посвящена отдельному этапу жизни константинопольского святителя.

В первой части «В Антиохии (349-397)» швейцарский ученый рассматривает процесс формирования личности Хрисостома (Златоуст (греч.): от χρότεος — золотой и στόμα — уста) в общем контексте эпохи: в его поле зрения находится как география и экономика Антиохии, так и имперская система образования. Отслеживая все этапы взросления свт. Иоанна, Р. Брендле выделяет в них типичное для культуры того времени, как христианской (монашеские общины, образование в пустыни, антиохийское богослужение) так и языческой (император Юlian, школа риторов, языческие храмы).

Во второй части «В Константинополе (397-403)», описывая жизнь Златоуста в крупнейшем городе Империи, исследователь изображает столичный быт, нравы горожан, обычаи знати и бедноты: на различии социальных слоев Р. Брендле останавливается особо, связанно это в первую очередь с характером используе-

¹ Перевод выполнен замечательным отечественным патрологом Дмитрием Бумажновым, работающим в данный момент в Университете г. Тюbingена (Германия). См.: Bumazhnov D. Der Mensch als Gottes Bild im christlichen Ägypten. Studien zu Gen 1,26 in zwei koptischen Quellen des 4.-5. Jahrhunderts. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2006.

² Brändle R. Johannes Chrysostomus: Bischof — Reformer — Märtyrer. — Stuttgart: W. Kohlhammer, 1999.

³ См., например, Brändle R. Matth. 25,31-46 im Werk des Johannes Chrysostomos. Ein Beitrag zur Auslegungsgeschichte und zur Erforschung der Ethik der griechischen Kirche um die Wende vom 4. zum 5. Jahrhundert. — Tübingen, 1979; Johannes Chrysostomus. Acht Reden gegen Juden, eingeleitet und erläutert von Rudolf Brändle; übersetzt von Verena Jegher-Bucher. — Stuttgart, 1995.

⁴ Baur Chrysostomus. Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit. 2 Bde. — München, 1929-30.

⁵ Willken R.L. John Chrysostom and the Jews. Rhetoric and reality in the Late 4th century. — Berkeley, 1983.

мого материала — проповедей свт. Иоанна, у которого вопрос о пагубном характере денег и богатств, стоял на первом месте.

Третья часть «В изгнании (403-407)» посвящена политической ситуации в Империи в начале V века, которую ученый рассматривает через призму обстоятельств, связанных с осуждением, ссылкой Златоуста, а также первым «разрывом» евхаристического общения между Востоком и Западом после смерти святителя. В центре внимания оказываются взаимодействие светской и церковной власти, далекое от принципов «симфонии» Юстиниана. В тесной связи с этим темой оказывается вопрос о взаимоотношении епископских кафедр Рима, Константинополя, Александрии и Антиохии, который сыграл не последнюю роль в большинстве богословских споров классической патристики.

В целом, книга вряд ли может быть рекомендована специалистам, однако несомненно будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся святоотеческим наследием и историей Церкви.

И.Х. Максутов

Рецензия на: *Вольф М.Н. Ранняя греческая философия и Древний Иран.* СПб.: Алетейя, 2007. 224 с. (Серия «Античная библиотека. Исследования»).

Начало 2007 года ознаменовано выходом монографии молодой, но уже хорошо известной специалистам новосибирской исследовательницы Марины Николаевны Вольф «Ранняя греческая философия и Древний Иран». Представленная читателям книга «посвящена анализу становления концепций божества, наделенного атрибутами знания и мудрости, и концепций истины, справедливости, закона в греческой предфилософии и ранней греческой философии в их сопоставлении с иранской традицией» (с. 4).

Более чем двухсотстраничная монография состоит из введения, пяти глав и списка основных источников и библиографии. Мы, впрочем, не хотели бы чисто технически пересказывать основное содержание работы, а потому сосредоточимся на общих замечаниях и впечатлениях от монографии.

Предпринятое М.Н. Вольф исследование по масштабу, глубине анализа, методологической и исторической аккуратности, по большому счету, в рамках данного проблемного поля не имеет аналогов в отечественной литературе. Автора отличает умение различать полутона, что позволяет ей избегать крайних выводов, которые не являются редкостью в такого рода исследованиях, и поднимает ее монографию на чрезвычайно высокий уровень.

Марина Николаевна подходит к исследуемой проблеме с изяществом и основательностью. В качестве отправного ее тезиса мы бы выделили следующий: «Параллели между иранской и греческой традицией действительно существуют, но объяснить их наличие можно различными способами» (с. 23). Она несколько раз справедливо подчеркивает, что актуальное состояние наших знаний и о Древней Греции, и о Древнем Иране пока слишком далеко от абсолютного: сказывается, прежде всего, нехватка первоисточников, их испорченность, фрагментарность, поздняя фиксация и т.д. Отсюда, любой вывод, который можно было бы сделать в исследуемом проблемном поле — есть не что иное, как реконструкция. Отдавая себе в этом отчет, автор с первых же страниц стремится поставить себе такие условия, чтобы свести к минимуму возможность субъективных исследова-